

ВЪРОВАНІЯ, РЕЛИГІОЗНЫЕ ОБРЯДЫ

и

ПРЕДРАЗСУДКИ У ЧЕРКЕСЪ.

(Статья Д. Чл. Кавк. Отд. И. Р. Г. Общ., Л. Я. Люлье).

Господствующая вѣра между черкесскими племенами есть магометанская, секты суннитской. Безпокойная и воинская жизнь, которую они постоянно ведутъ, охлаждаетъ въ нихъ усердіе къ исполненію обрядовъ своей вѣры. Однакожь, и между ними встрѣчаются привѣры строгаго исполненія вельній корана,—исполненія, доходящаго иногда до религіознаго фанатизма. Вѣра Мухаммеда введена между черкесами религіознымъ усердіемъ крымскихъ хановъ, съ которыми они нѣкогда были въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Изъ всѣхъ племенъ, населявшихъ сѣверный склонъ Кавказскаго Хребта, кабардинцы первые приняли вѣру магометанскую. Въ послѣдствіи, духовнымъ вліяніемъ турокъ, занявшихъ крѣпость Анапу, число поклонниковъ пророка постепенно увеличилось, и нынѣ исламъ совершенно водворился въ этой части Кавказа.

Надобно, однакоже, изъ этого числа исключить жителей морскаго прибрежья, отъ Геленджика до м. Хизе, и долины къ нему примыкающихъ: изъ нихъ немногіе только, совмѣстно съ дворянами, придерживаются закона пророка, а всѣ прочіе остаются

безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживаясь обрядовъ приношенія животныхъ въ жертву и возліанія (libation). У нихъ нѣтъ ни особыхъ строеній для молитвы, ни жертвенниковъ; храмовъ служить имъ заповѣдная роща, подѣ открытымъ небомъ. Единственный символъ предмета поклоненія ихъ есть деревянный крестъ особой формы, въ видѣ греческой буквы τ, прислоненный къ дереву, около котораго лежатъ другіе подобные кресты, истлѣвшіе отъ времени. Кромя обрядовъ, исполняемыхъ при молебствіи, черкесы прибрежные имѣютъ вѣрованіе въ единство Бога, въ бессмертіе души и въ будущую жизнь, въ которой воздастся каждому по дѣламъ земной его жизни.

По имѣющимся объ этой странѣ историческимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что жители ея исповѣдывали нѣкогда христіанство, которое, полагаютъ должно, водворено въ ней въ X, XI и XII вѣкахъ ¹⁾ и поддержано; сначала, славянскими князьями тугатарканскими (tamatarque), владѣвшими берегомъ Воспора Киммерійскаго и покорившими сосѣдственные съ ними племена, а потомъ вліаніемъ Грузинъ, процвѣтавшей подѣ правленіемъ сильныхъ царей, въ особенности, въ концѣ XII вѣка, знаменитой Тамары, при которой вѣра христіанская была проповѣдуема въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ Кавказа и усердіемъ которой были воздвигаемы тамъ храмы.

И нынѣ видны развалины храмовъ христіанскихъ во многихъ мѣстахъ въ странѣ черкесовъ (адиге), по верховьямъ рѣки Кубани, въ особенности по сѣверному склону отъ перевала чрезъ главный Кавказскій Хребетъ въ Абхазію. Дорога чрезъ этотъ перевалъ изъ долины Далъ на р. Кодоръ, обитаемой нынѣ чебельдинцами, служила въ древности путемъ сообщенія между южными и сѣвернымъ подножьями Кавказа. Достойно замѣчанія, что ни между верховьями Кубани и Чернымъ Моремъ, ни по берегу отъ Гагръ до Анапы нѣтъ развалинъ, по конимъ можно бы за-

¹⁾ Фанагорія около XI и Пантикалея въ XV вѣкѣ имѣли своихъ епископовъ. Въ ту же эпоху, на другой оконечности берега процвѣтала духовная метрополиа оная—Пицуида.

ключать, что на этомъ пространствѣ существовали христіанскіе храмы. По топографическому положенію своему, это пространство всегда было внѣ вліянія чужестранцевъ, и даже событія, разновременво потрясавшія прочія части Кавказа, не оставили въ немъ никакихъ слѣдовъ.

Южнѣе, въ Абхазіи опять видны развалины многихъ храмовъ, изъ коихъ одинъ, Пицундскій, устоялъ противъ разрушительнаго вліянія времени и довольно хорошо сохранилъ даже куполъ свой. При немъ, до постройки тутъ укрѣпленія, находился есторожъ: такъ велико было уваженіе окрестныхъ жителей къ этой святынѣ.

Съ ослабленіемъ вліянія Гривин ²⁾ на кавказскія племена, христіанская вѣра между ними, отъ недостатка проповѣдниковъ и церковныхъ служителей, неизбежно пришла въ упадокъ; а съ паденіемъ Восточной Имперіи и съ появленіемъ вмѣсто оной владычества турокъ, все морское побережье впадо во мракъ невежества и варварства. Время довершило уничтоженіе остатковъ христіанства, которые, слившись съ мифами древнихъ грековъ, послужили основой теперешнихъ религіозныхъ обрядовъ жителей восточныхъ береговъ Чернаго Моря.

Постараюсь изложить эти обряды и тѣ божества, въ честь коихъ они совершаются,—изложить въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ видѣлъ самъ или узналъ отъ стариковъ, исправлявшихъ, въ торжественные дни, должности жрецовъ.

Созерисъ считается божествомъ—покровителемъ хлѣбопашцевъ. Пришествія его горы ожидаютъ и празднуютъ его ежегодно въ декабрѣ, въ одно время съ нашимъ праздникомъ Рождества Христова. Къ этому времени вносятся въ домъ суку о семи вѣтвяхъ, извѣстнаго дерева, называемаго *амшутъ*; къ вѣтвямъ прикрѣпляются свѣчи изъ желтаго воска, пирожки и кусочки сыра. Въ ожиданіи сказаннаго пришествія, мужчины, снявъ шапки, произносятъ извѣстныя формулы молитвъ. Въ каждомъ домѣ имѣются полочки, на которыхъ хранятся куски желтаго вос-

²⁾ XI и XII вѣка была самою блестящею эпохою ея при царяхъ абхазо-вартанисскихъ.

ка для этого употребленія, а подь полочками висятъ деревянныя сосуды, назначенныя исключительно для возліянія. Созериса почитаютъ мореплавателемъ, и прибытія его ожидаютъ моремъ. Есть еще повѣрье, что онъ отправился отъ берега по волнамъ моря пѣшкомъ и точно такъ же, пѣшкомъ, возвратится. По однозвучію имени и по историческимъ преданіямъ, въ которыхъ упоминается (у Геродота) о колоніи египтянъ, пришедшихъ въ Колхиду задолго до занятія береговъ Чернаго Моря греками, Созериса не есть-ли Озерисъ?—Замѣчательно, что и во многихъ странахъ Европы есть обычай ставить наканунѣ Рождества Христова ёлки, украшенныя разными подарками для дѣтей; не относится ли онъ къ первымъ вѣкамъ христіанства?

Ахины считается покровителемъ рогатаго скота. И нынѣ существуетъ фамилія именуемая *Тлахуахо*, въ переводѣ «пастухъ божій»³⁾, которая въ извѣстное время приводитъ въ заповѣдную рощу корову и привязываетъ тамъ къ ея рогамъ кусокъ хлѣба и кусокъ сыра. Окрестные жители толпою сопровождаютъ ее въ рощу и закалываютъ тамъ; она и называется: ахинова корова, *ахины и чемме тлерекую*. Надобно замѣтить, что тѣло ея, для снятія кожи и раздѣла на части, переносятъ на другое мѣсто, потомъ, для варки въ приготовленныхъ котлахъ, опять на другое, и, наконецъ, сваренный уже приносится на мѣсто пиришества. При каждомъ такомъ перенесеніи, присутствующіе, снявъ шапки и взявшись за руки, пляшутъ въ круговую (*une ronde*), съ напѣвомъ, присвоеннымъ такого рода торжеству.

Есть между горцами повѣрье, что въ старину, когда приближался праздникъ Ахина, одна изъ коровъ стада семейства Тлахуахо ревомъ и другими призывами указывала, что она назначена въ жертву, и сама отправлялась въ заповѣдную рощу, отчего и прозывается *тлерекую*, т. е. ходячею.

Какъ все это ни баснословно, но тѣмъ не менѣе справедливо, что такія жертвоприношенія совершаются и понынѣ исключительно

³⁾ Съ этою фамиліею состоятъ въ родствѣ слѣдующія: Екуаезъ, Силене, Горнавъ и Хагуизъ, которыя искони не употребляютъ въ пищу ни говядины, ни птицы, ни яицъ.

но у горцевъ живущихъ по морскому прибрежью. Еще замѣчательно вѣрованіе горцевъ, что ноги Ахина имѣютъ раздвоенныя копыта. Ясно, что Ахинъ есть Панъ древнихъ грековъ.

Зейнутъ—покровитель наѣздниковъ. Его призываютъ на помощь передъ набѣгами и дальними наѣздами. Ему не усвоиваютъ никакихъ особыхъ пригѣтъ: вѣроятно, преданіе о томъ изгладилось. Можетъ быть, это—Марсъ?

Мезитъ—божество лѣсовъ, котораго молятъ о счастливомъ успѣхѣ охоты. Горцы представляютъ себя его вѣдущимъ верховъ на кабанъ, у котораго золотая щетина. По его мановенію олени и лоси собираются въ лѣсахъ, и тогда дѣвушки доятъ самокъ ихъ.

Емишъ—покровитель овецъ. Его празднуютъ въ день спуска барановъ въ стада.

Тлепсъ—покровитель кузнецовъ. Онъ весьма уважаемъ въ народѣ, такъ-что имя его произносится и теперь въ родѣ клятвы или божбы. Празднуютъ его весною, дѣлая, во время моленія, возліанія на жетъ плуга (лемшгъ) и на топоръ, и, по совершеніи обрядовъ, предаваясь забавамъ, изъ коихъ главная—стрѣльба изъ винтовокъ въ цѣль, преимущественно въ яйцо, поставленное на видномъ мѣстѣ. Надъ ранеными оружіемъ поютъ пѣсни, въ которыхъ призывается помощь Тлепса къ излеченію страждущаго. Есть также повѣрье, что Тлепсъ былъ ремесломъ кузнецъ, котораго память, за святость его жизни, осталась въ уваженіи потомства. Въ известномъ лѣсу показываютъ могилу, въ которой лежатъ бранные его останки. Не Вулканъ ли это?

Хепегуашъ, въ переводѣ «дѣва водъ морскихъ». Празднуется ежегодно лѣтомъ, у берега моря, гдѣ, послѣ обыкновенныхъ молебственныхъ обрядовъ, въ заключеніе пляшутъ въ круговую. Не Наада ли это?

Псегуаша—дѣва водъ рѣчныхъ. Къ ней прибѣгаютъ съ моленіемъ о дождѣ, большею частію весною. Въ такихъ случаяхъ, молодые люди обою пола обливаютъ другъ друга водою и, въ видѣ забавы, плещутся въ водѣ до тѣхъ поръ пока не наскучитъ.

Хатегуашъ—дѣва покровительница садовъ, въ родѣ греческой Помоны.

Тлозужимъ и Шеберисъ—упоминаются, во время молебствія, вслѣдъ за Созеррисомъ. Такъ-какъ имъ не приписываютъ никакихъ особыхъ качествъ, то можно полагать, что это суть второстепенныя божества свиты Созерриса или, просто, прикладныя имена его?

Хакусташъ. Натухажцы и шапсуги почитаютъ его своимъ гениемъ хранителемъ, а также покровителемъ воловъ пашатныхъ. Еще и теперь зажиточныя семейства посвящаютъ ему одного изъ этихъ животныхъ, котораго не употребляютъ уже ни въ какую работу и который носитъ въ такомъ случаѣ названіе вода Хакусташа. Одно изъ поколѣній народа шапоугскаго, именно Кобле, почитаетъ его своимъ заступникомъ. Въ такой же точности чести *Ту-гулолу* у поколѣнія Надхо и *Тузуитша* у поколѣнія Нетаха, принадлежащихъ къ народу натухажскому.

Кодесъ. Горцы представляютъ его себѣ въ видѣ рыбы и приписываютъ ему силу удерживающую море въ предѣлахъ береговъ. Очевидно, это—греческій Нептунъ.

Пишпане, Тяхалейкъ и Тяхофеишу суть божества домашнія (*répates, lares*). Названіе послѣдняго въ переводѣ значитъ: «посланецъ Бога»;—должно быть—Меркурій. Празднество въ честь ихъ называется *джесупе-таха*, т. е. праздникъ очага (*de foyer*).

Слѣдующіе праздники носятъ слѣды христіанства:

Меріемъ—покровительница пчеловодства. Въ молитвахъ своихъ къ ней горцы величаютъ ее матерью великаго бога, *меріемъ машхуо и нъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что эта Меріемъ есть Марія, какъ потому, что ее величаютъ божіей матерью, такъ и по созвучію именъ Маріи и Меріемъ. Празднуютъ ее въ августѣ, около нашего Успенскаго-дня. По снѣтїи хлѣбовъ съ полей, въ особенности если урожай вознаградила труды земледѣльца, первое празднество въ честь Меріемъ есть только мачаю длиннаго ряда другихъ празднествъ, возобновляющихся всякій вечеръ съ пѣсками, пока не обойдены будутъ жители всей долины или прихода—*тагалаша*.

Итлесъ,—въ буквальномъ смыслѣ значитъ «годъ», и соотвѣтствуетъ нашей Новому Году, потому-что всегда празднуется въ зимніе мѣсяцы.

Кутишъ. Празнуется обыкновенно раннею весною, соотвѣтствуя наней Св. Пасхѣ. Передъ праздникомъ, двѣ недѣли воздерживаются отъ употребленія яицъ въ пищу; въ праздникъ же, яйца составляютъ непремѣнную принадлежность стола.

Алеумѣше и *Коалаште*—праздники наблюдаемые ежегодно раннею весною, одинъ вслѣдъ за другимъ, съ небольшимъ промежуткомъ времени. Первое слово въ буквальной смыслѣ значить: «по бѣшъ мяса»; второе значить: «взятіе сыра». Судя по такому смыслу названій и по періодическому возвращенію сихъ праздниковъ ежегодно всегда весной въ одну пору, можно считать ихъ мясопустемъ и сыропустемъ православною церквою. Въ это время у горцевъ непремѣнно подаются пирожки начиненные сыркомъ; во вечерень же, молодежь для потѣхи наряжаетъ чучело или куклу въ какой-нибудь странный костюмъ. Это нѣкоторые образцы набожнаго нашихъ маскерады и переряживанья. Забавы эта и при ней непремѣнно пляски носятъ названіе *дадеушъ*.

Трудно и почти невозможно собрать все разныя новѣрья, существующія у горцевъ и происшедшія отъ смѣшенія идей, приносимыхъ къ нимъ христіанствомъ и, затѣмъ, магометанствомъ, съ предразсудками оставшимися отъ временъ язычества и идолопоклонства. Скажу о болѣе разительныхъ и примѣчательныхъ.

Къ числу второстепенныхъ мѣровъ, уважаемыхъ горцами, принадлежатъ *карды*, въ коихъ они особенно отличаютъ *Саузерукъ*. Въ честь его, въ одинъ изъ зимнихъ мѣсяцевъ, готовятся яства, коихъ часть откладывается и ставится, въ отдаленномъ домѣ, для забѣгаго; въ конешнѣ же, для его лошади привезены сно и овесъ и посланы въ стойлѣ солома. Саузерукъ не является, но прѣзжаетъ гость, забѣжій, который его заѣмляетъ. Появленіе гостя почитается добрымъ предзнаменованіемъ и придаетъ празднеству болѣе веселости. Если и никто не забѣжалъ, то все-таки пируютъ одни хозяева дома съ друзьями и соседями. Замѣчательно, что въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ, упоминается о землѣ или странѣ урусовъ. *Урусамы* называютъ русскихъ; по изъ смысла пѣсней никакъ того вывести не возможно. Такимъ образомъ, гостепріимство, сдѣланное съ религіозны-

ми понятіями, любовью къ родинѣ и старыми предрасудками, есть характеристическая черта нравовъ горцевъ, препятствующая и понинѣ окончательному водворенію у нихъ исламизма. Надобно замѣтить, что со времени принятія закона Мухаммеда всеми племенами черкесскими (за исключеніемъ жителей морскаго побережья), къ числу народовъ причислены патъдники и герои легендъ аравитянъ.

Къ предрасудкамъ черкесовъ надобно прибавить страхъ и уваженіе къ грому: для того, кто убить громомъ, смерть такая считается блаженствомъ, и его предають землѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ овъ убить. Замѣчательно, что въ торжественныхъ напѣвахъ, въ подобныхъ случаяхъ, часто повторяются имена *шибле* (громъ) и *Ялія* (искаженное имя Іліи).

Изъ описаннаго видно, что жители морскаго побережья и горныхъ ущелій, отчасти происхожденія натухажскаго, шапсугскаго и даже абадзехскаго, не имѣють опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, но вѣрують, однакожъ, въ единство высшаго существа, создателя вселенной. Символъ креста, видимый во всѣхъ заповѣдныхъ рощахъ и лѣсахъ, есть ясный указатель, что вѣра христіанская была водворена между горцами не столько силою оружія, сколько моральнымъ вліяніемъ сильнаго народа, съ которымъ они были въ частыхъ сношеніяхъ, ибо, судя по орографическому характеру страны ихъ, невѣроятно, чтобы завоеватель могъ когда-либо проникнуть въ неприступныя горы этой части Кавказа.

Что христіанская вѣра водворена у нихъ царями грузинскими, то это подтверждается названіемъ *джуръ*, даваемымъ черкесами кресту. Слово *джуръ* ясно показываетъ происхожденіе свое отъ грузинскаго *джвари*, крестъ. Равнымъ образомъ, имена дней недѣльныхъ указываютъ, что эти народы принадлежали къ православнои церкви; такъ: среду они называютъ *бираскезій*, пятницу—*бираскешхуо*, т. е. малый и великій постъ (*бираскъ* значить постъ, *зій*—малый, а *шхуо*—большой или великій), воскресенье же—*таумафъ*, т. е. божій день, назначаемый для отдохновенія и въ который воздерживаются отъ всякой работы.

Понятія черкесъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣють сходство съ понятіями древнихъ скандинавовъ: такъ, наприимѣръ, въ ста-

рыхъ легендахъ упоминается о великанахъ и пигмеяхъ, которыхъ черкесы, будто-бы, застали при приходѣ своемъ на теперешнія земли и коихъ родъ въ послѣдствіи истребился; точно тоже въ разсказахъ (сагахъ) скандинавскихъ говорится о нѣкоемъ мужѣ, по имени *Норъ*, въ странѣ великановъ: на черкесскомъ (адиге) языкѣ слово *мардъ* означаетъ «богатырь». Имя *торъ*, которое живетъ еще въ преданіяхъ у обитателей Исландіи, означаетъ бога силы, владѣтеля перунъ; у черкесъ же и теперь бога называютъ *тма* и *тмаръ* (*р* въ концѣ слова есть членъ опредѣленный, l'article déterminé). Подобныя сближенія требуютъ филологическаго изслѣдованія.

Изложимъ обряды, совершаемые при общественныхъ торжествахъ и праздникахъ.

Какъ выше было сказано, у черкесъ нѣтъ особыхъ строгихъ, посвященныхъ молебствію. Священныя роши и лѣса, къ которымъ никто не смѣетъ прикасаться, закрываютъ храмы. Тамъ-то, подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, возносятъ они молебны къ небу, призывая имя всевышняго, *тмашуго*. Въ каждой долинѣ есть по нѣскольку подобныхъ рощъ. Къ каждой рощѣ причисляютъ извѣстное число домовъ или семействъ, кои можно нѣкоторымъ образомъ почитать прихожанами ея, *тмахалъ*. Въ извѣстные дни года, одинъ изъ стариковъ, нѣчто въ родѣ жреца, избранный раз навсегда, отправляетъ служеніе предъ дубовымъ крестомъ простой отдылки и безъ украшеній. Накинувъ на себя бурку, снявъ шапку и ставъ на колѣни, онъ громкимъ голосомъ произноситъ молитвы, соответственныя празднику или причинѣ сходбища. Молитвы сіи большею частію состоятъ въ испрошеніи благъ земныхъ, урожая, дождя, избавленія отъ повальныхъ болѣзней, нашествія врага и, вообще, всякихъ другихъ бѣдствій. Послѣ молитвы, онъ приступаетъ къ закланію, приносимыхъ въ жертву, барана, козла, коровы или быка: беретъ одну изъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей, пригнѣпленныхъ къ кресту, воскомъ ея натираетъ волоса на лбу у жертвы, за тѣмъ совершаетъ возіаніе надъ головой ея,

приготовленную на этот предмет начинку, бузою ⁴⁾, и тутъ же заливаетъ ее. Какъ видно, древній обычай жертвоприношеній не измѣнился вліаніемъ христіанства. Далѣе, жрецъ беретъ въ одну руку маленькій пирожокъ или лепешку, а въ другую деревянный точеный сосудъ, въ родѣ большой рюмки, наполненный бузою, и, воздымая все это къ себѣ, вновь молится. По окончаніи молитвы, онъ подноситъ пирожокъ этотъ и сосудъ старшему изъ присутствующихъ, а нѣсколько другихъ чапъ и пирожковъ отсылаетъ къ другимъ присутствующимъ, которые потомъ передаютъ ихъ другъ другу. Окончивъ такимъ образомъ обрядъ моленія, жрецъ объявляетъ о слѣдующемъ, ближайшемъ праздествѣ и назначаетъ день, когда и куда именно собираться для того. При этихъ случаяхъ дѣлаются также объявленія, къ общему свѣдѣнію, по общественнымъ дѣламъ, о найденныхъ или пропавшихъ вещахъ, и подобномъ тому. — Торжества эти носятъ общее наименованіе *таха*. Странно, что нѣчто подобное существуетъ между татарами южной Сибири ⁵⁾, гдѣ праздники называются *тахъ-тахъ*. Замѣчательны сходство и созвучіе двухъ этихъ наименованій.

Означенному торжеству, впрочемъ, еще не конецъ. Голову принесеннаго въ жертву животнаго насаживаютъ на длинный шестъ, утвержденный въ землѣ неподалеку отъ креста; кожу жрецъ беретъ себѣ, а мясо готовится тутъ-же для пиршества. Во всемъ этомъ соблюдаются старыя обычаи съ неизмѣнною точностію, какъ будто они опредѣлены канонами. Во время приготовленія яства, старики и старухи, взявшись за руки, составляютъ кругъ и съ особымъ напѣвомъ открываютъ пляску. Ихъ вскорѣ смѣняютъ молодые люди обоюго пола, и веселость дѣлается всеобщею. За пляской слѣдуетъ пиръ. Кромѣ изготовленнаго мяса, каждое семейство обязано принести столикъ, на которомъ положены *паста* (круто отваренное пшено или гомія), тщательнѣе обыкновеннаго приготовленная, пирожки съ сыромъ, и прочее. Столики эти небольшого размѣра, такого-что кругомъ cadaго могутъ уѣсться

⁴⁾ Буза готовится изъ проса, и въ нее послѣ броженія подбавляютъ меду.

⁵⁾ См. Журналъ М. В. Д., 1847 года, июль.

Человѣка четыре или пять, не болѣе. Пирующие садятся на землѣ на подостланныя вѣтви и древесныя листья, поджавъ ноги; садятся, впрочемъ, только старшіе, главы семействъ. Не случилось мнѣ видѣть при этомъ отвратительнаго зрѣлища пьяныхъ, хотя папки ихъ—медъ и буза—хмельны и могутъ, при неумѣренномъ употребленіи, произвести опьяненіе. Молодые люди не участвуютъ въ пиршествѣ; они довольствуются остатками отъ стола, и во все время пира прислуживаютъ старшимъ, разнося имъ яства и папки. Женщины и дѣвушки во время пиршества составляютъ отдѣльный кружокъ и стараются скрыть отъ мужчинъ, что ѣдятъ: дѣвушки скорѣе согласятся остаться голодными, чѣмъ допустить видѣть себя жующими.

Есть празднества, въ которыхъ женщины не участвуютъ, и тогда плясокъ нѣтъ. Иныя же совершаются дома, въ кругу семейномъ.

У горцевъ существуетъ еще обычай прыгать черезъ огонь, какъ и у насъ. Это бываетъ лѣтомъ. Прыгающіе черезъ огонь просятъ Меріемъ о прощеніи грѣховъ, и послѣ этого почитаютъ себя уже очищенными отъ вихъ.

Жители морскаго побережья представляли до сихъ поръ рѣдкій примѣръ постоянства въ своихъ обычаяхъ и привязанности къ прежнимъ повѣрьямъ и обрядамъ. Но съ нѣкотораго времени стало превозмогать между ними магометанство, которое давно исповѣдуется дворянствомъ.

Пренебреженіе и насмѣшки, которыми дворяне и жители равнинъ осыпаютъ своихъ отсталыхъ собратьевъ за ихъ старыя религиозныя обряды, если не искореняютъ сихъ послѣднихъ, то сильно ослабляютъ. Обряды эти поддерживаются лишь на южномъ склонѣ хребта, и въ двадцатыхъ годахъ были еще семейства употреблявшія въ пищу свиное мясо, хотя не явно. У жителей равнинъ кубанскихъ и предгорій стоятъ вездѣ мечети, населеніе раздѣлено на джемнаты, прежній бытъ предковъ уже забытъ, а между кабардинцами и не подозреваютъ его, такъ-что рассказы о быломъ представляются имъ невѣроятною сказкою.

Не смотря на причины содѣйствующія упадку старинныхъ обрядовъ, одно обстоятельство противоборствуетъ еще скорому ихъ паденію, именно—недоступность края, сохраняющая его отъ всякаго вѣшняго вторженія; даже во время внутреннихъ потрясеній никогда онъ не былъ театромъ дѣйствія. Онъ вообще мало посѣщается, и между жителями его замѣтна грубость нравовъ, даже языка. И такъ, оправдывается давнее замѣчаніе, что жители равнинъ вообще болѣе образованы и правыи магче, чѣмъ жители странъ горныхъ.

Я выше сказалъ, что черкесы питаютъ почтеніе къ грому, именуя его *шибле*. Опишу обрядъ, совершенный съ присутствіемъ моемъ надъ тремя козами, убитыми громомъ.

Въ одинъ день, лѣтомъ, я отправился изъ дома кувака моего, Іендарка Магмета, съ нѣсколькими спутниками вверхъ по долинѣ Дуабъ. Было ясно; только на вершинахъ хребта видѣлись тучи. Мало-по-малу, онѣ растянулись и заволокли все небо, пошелъ дождь, сначала небольшой, а потомъ сильный. Бурки у меня не было, а потому я долженъ былъ искать убѣжища въ ближайшемъ аулѣ. Вскорѣ послышался раскатъ грома и последовало нѣсколько сильныхъ ударовъ. Гроза, однако, скоро прошла, небо прояснилось и мы опять пустились въ путь. Пробѣжавъ нѣсколько верстъ, мы увидѣли группу людей обоаго пола и разныхъ возрастовъ, выходившую изъ небольшого ущелья, примыкающаго къ долинѣ. Подѣхавъ къ ней, мы узнали причину ея сходбища: мы увидѣли трехъ козъ, только-что пораженныхъ громомъ. Намъ пригласили остановиться, въ чемъ, по обычаю, нельзя было отказать, чтобы не обидѣть, тѣмъ-болѣе — что то были все люди знакомые. Около козъ составилъ кругъ и началась обычная пляска съ напѣвомъ, въ которой часто повторялись слова: *шибле* и *мий* (Илья). Между тѣмъ, нѣсколько челоуѣкъ отправились въ лѣсъ, нарубили жердей и колевъ, устроили изъ нихъ на четырехъ столбахъ довольно высокой помость, уложили на нее козъ и накрыли ихъ листьями. Помость дѣлается высокой для того, чтобы укрыть трупы козъ отъ хищныхъ звѣрей. Въ то время, какъ одни устроивали помость, другіе успѣли сходить въ аулъ

и принести оттуда разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ живыхъ козь. Эти послѣднія тутъ-же были принесены въ жертву, съ обрядомъ возмѣнія, а головы ихъ надѣты на высокіе шесты, воткнутые въ землю около помоста. Вся эта процедура называется *шибласха*. Устроеннаго помоста, кольевъ и козь никто не трогаетъ, и все это остается до совершеннаго разрушенія и истлѣнія. Нѣчто подобное существуетъ и у осетинъ, гдѣ, въ день пророка Или, также насаживается на шесть козлиная голова ⁶⁾. Пока готовились яства и варилась паста, замѣняющая хлѣбъ, молодежь обоего пола плясала съ рвеніемъ; веселость и одушевленіе были общія. Когда все было изготовлено, насъ накормили, и только тогда отпустили въ путь. Пиръ, между тѣмъ, продолжался до вечера и долженъ былъ, по обычаю, повториться еще въ слѣдующіе два дня.

Когда громъ убиваетъ человѣка, то его хоронятъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ убитъ, и вмѣсто трехъ дней пируютъ семь, сряду, ибо приписываютъ событію мысль блаженства.

Неподалеку отъ мѣста жительства моего въ долину Пшадъ, стояло большое дерево, въ которое нѣкогда ударилъ громъ. Дереву этому приписывали симпатическое свойство исцѣлять лихорадки: страждущій приходилъ или прѣзжалъ къ нему съ запасомъ припошений, большею частію пирожковъ, которыя тутъ же и съѣдались прѣхавшими съ больнымъ; передъ отъѣздомъ они зашивали кусочекъ этого дерева въ лоскутокъ матеріи и надѣвали больному на шею, чтобъ онъ носилъ его постоянно; остальная часть той же матеріи привѣшивалась къ вѣтвямъ, въ родѣ приношенія. Дерево все было увѣшано подобными приношеніями.

Суевѣріе, это общее наследіе въ родѣ человѣческомъ, существуетъ и у черкесъ, хотя изъ него не выработалась у нихъ, какъ у древнихъ римлянъ, систематическая гадательная наука. Между ними существуетъ также фатализмъ древнихъ грековъ, — убѣжденіе, что никто не можетъ избѣгнуть судьбы своей. Сверхъ того, они легковѣрны и полагаютъ, что есть дни счастливыя и

⁶⁾ Dubois de Montpéroux: *Voyage autour du Caucase*, livr. IV pag. 447.

несчастные, что существуют злые духи, привидѣнія, домовые и что есть даже мѣста, гдѣ эти духи, привидѣнія и домовые имѣютъ пребываніе. Многіе увѣряютъ, что они ихъ видѣли и съ большиною трудностію могли отъ нихъ скрыться. У нихъ есть также убѣжденіе въ предчувствія и вѣрованіе въ чародѣйство и въ сны.

Черкесы, какъ и другіе народы, имѣютъ своихъ гадателей, или, лучше, гадальщицъ, потому-что гаданіемъ занимаются обыкновенно старухи, не дѣлая изъ него, однакожъ, ремесла, а побуждаясь только желаніемъ прислужить тому, кто къ нимъ прибѣгаетъ за этиаъ утѣшеніемъ. Чаще же всего прибѣгаютъ къ нимъ за онымъ несчастные влюбленные. Старуха гадаетъ, въ такихъ случаяхъ, на нѣсколькихъ зернахъ фасоли (турецкій бобъ) съ однимъ камешкомъ.

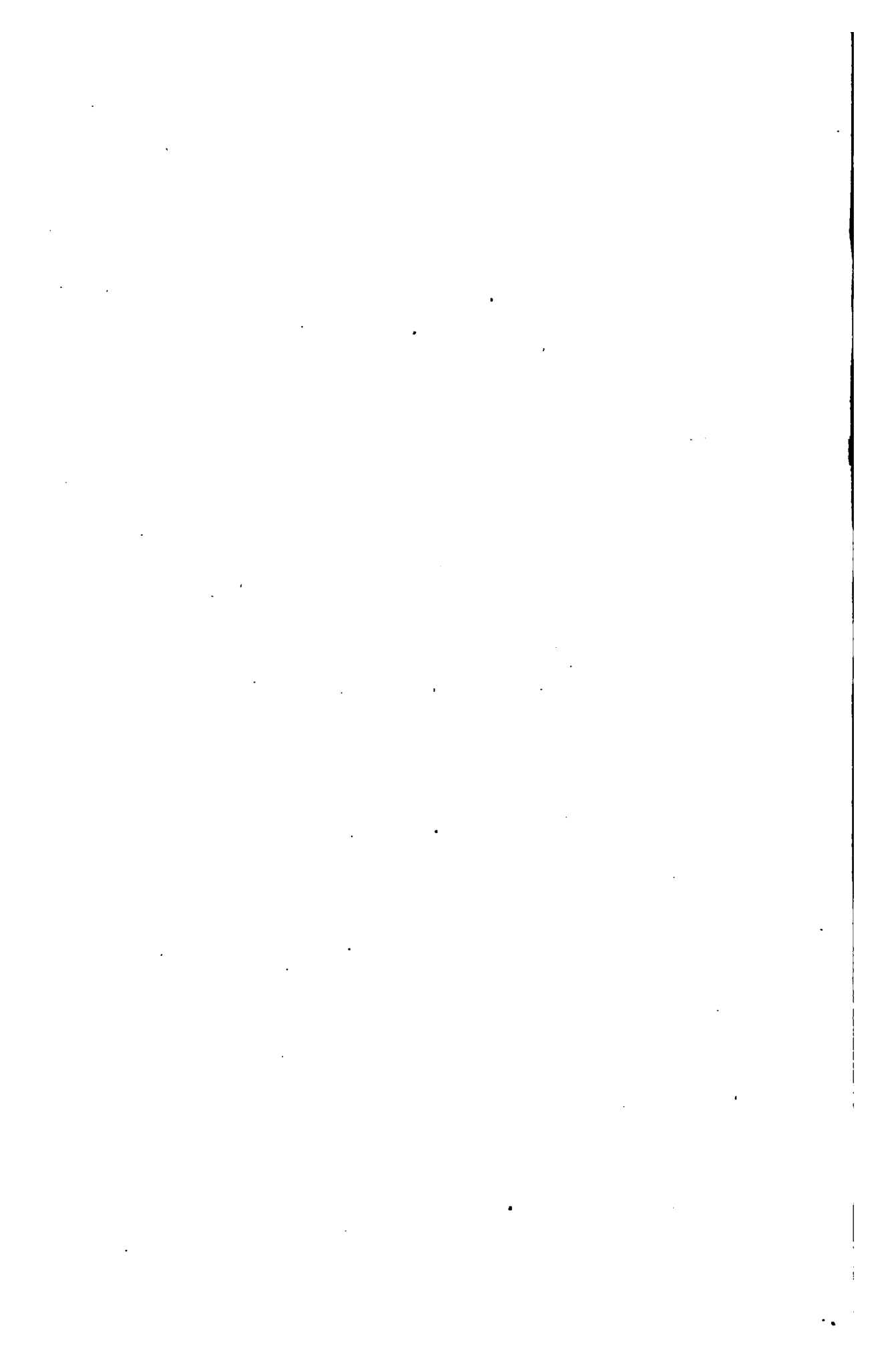
Гаданіе увсѣхъ черкесъ производится по лопаткѣ (os hi-thégal) домашняго животнаго, барана, напримѣръ, или козы. Всмотриваясь, на свѣтъ, въ эту кость, предугадываютъ, по животнымъ линиямъ, въ нихъ находимымъ, хорошій или дурной урожай, дождь или засуху, голодь, суровую зиму, войну и, вообще, всякаго рода благополучіе или бѣдствіе. Есть въ этомъ родѣ гаданья нѣчто основательное, конечно до нѣкоторой степени; въ нашихъ странахъ старые, опытные охотники по костямъ дичи предугадываютъ же, будетъ ли зима слабая или суровая. Горцы приписываютъ лопаткѣ всѣ вѣщанія и приводятъ въ подтвержденіе того слѣдующій разсказъ. Одинъ черкесскій князекъ ночевалъ въ сосѣднемъ аулѣ, и послѣ ужина, всматриваясь въ лопатку барана, съ которой за ужиномъ очистилъ мясо, сказалъ присутствующимъ, что въ эту ночь имъ нужно приготовиться къ тревогѣ. И действительно—такъ гласитъ легенда—аулъ былъ атакованъ непріятельскою партіею, которая, благодаря предувѣдомленію гостя, была удачно отражена. Вотъ еще другая подобнаго рода легенда. Два брата гостили въ сосѣднемъ аулѣ, у одного добраго своего пріятеля. Разъ старшій изъ нихъ пошелъ къ другиму знакомому въ аулѣ и задержанъ былъ гдѣ-то на ужинѣ. Возвратившись послѣ ужина въ докъ пріятеля, онъ не нашолъ тамъ брата, и когда спросилъ

объ немъ, то ему сказали, что онъ во время ужина смотрѣлъ въ лопатку и вставши изъ-за-стола осѣдлалъ свою лошадь и поспѣшно уѣхалъ, не объявивъ куда. Услышавъ это, старшій братъ потребовалъ эту самую лопатку, посмотрѣлъ въ нее, улыбнулся и сказалъ: братъ мой увидѣлъ, что съ женою его сидитъ неединъ мужчина, но не рассмотрѣлъ, что мужчина этотъ—родной младшій братъ ея. Присутствующіе, изумленные его искусствомъ, захотѣли повѣрить, правду ли онъ говоритъ, и послали, узнать объ этомъ, нарочнаго верховаго. Нарочный, возвратясь, привезъ извѣстіе, что сказанное гостемъ совершенно справедливо.

Страхъ, наводимый мнимыми колдунами и вѣдьмами, бываетъ поводомъ гоненій на нихъ, по обвиненію предъ Богомъ и людьми въ нарушеніи общественнаго спокойствія и благополучія. Понятія черкесъ въ этомъ отношеніи таковы, что, по мнѣнію ихъ, есть люди, изъ обоего пола, которые имѣютъ сношенія съ нечистымъ духомъ и посредствомъ его пріобрѣтаютъ способность превращаться въ волковъ, собакъ, кошекъ, и даже дѣлаться невидимками, когда пожелають. Такихъ людей они называютъ *удде* и приписываютъ имъ извурительныя дѣтскія болѣзни, заразу и падежъ на скотъ, объясняя, что эти бѣды происходятъ отъ вреднаго вліянія ихъ глаза. Ихъ же обвиняютъ въ истребленіи и собственныхъ дѣтей своихъ. Такъ точно нѣкогда, особенно въ концѣ XII столѣтія, въ западной Европѣ законъ признавалъ чародѣевъ виновными въ отступничествѣ отъ Бога.

Между черкесами существуетъ повѣрье, что удды весною, въ извѣстную ночь, собираются на вершинѣ горы, называемой *Себеркуасза* ¹⁾, прѣзжая туда верхомъ на животныхъ всякаго рода, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ. Ночь проводятъ они въ пиршествѣ и пляскахъ, а передъ разсвѣтомъ, схвативъ ищши, въ коняхъ у однихъ содержатся все блага земныя, а у другихъ все вредное человечеству, въ томъ числѣ и болѣзни, разлетаются

¹⁾ Гора этого имени находится въ землѣ шакуговъ, въ верховьяхъ рѣки Убинъ, въ одномъ изъ отроговъ отдѣляющихся отъ главнаго Кавкасскаго Хребта. Она замѣчательна по своей высотѣ, рѣзко отличается отъ прочихъ возвышенностей, и далеко видна.

Можно соболъзновать о такомъ заблужденіи черкесъ, но нельзя и удивляться ему, когда мы видимъ изъ исторіи, что парижскій университетъ въ 1393 году давалъ наставленія къ разсмотрѣнію дѣлъ по чародѣйствамъ, жалуясь на размноженіе ихъ числа, и инквизиторъ Реми сознавался, что въ продолженіи 15 лѣтъ инквизиторства своего, онъ подписалъ 900 приговоровъ прогивъ лицъ, изобличенныхъ въ чародѣйствѣ.

Съ того времени, какъ черкесы приняли законъ Магомета, хотя и водворился новый родъ идей между ними, но не совершенно забыты и преждесуществовавшіе предразсудки. Въ особенности въ полной силѣ существуетъ убѣжденіе въ вредномъ вліяніи дурнаго глаза. Черкесы утверждаютъ, что есть селіиства, у которыхъ дурной глазъ родовой и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Для предохраненія себя отъ такого вліянія, у черкесъ нагометанъ существуетъ обыкновение носить на себѣ, навѣшивая на дѣтей и привязывая къ уздамъ любимыхъ лошадей стихи корана, зашитые въ кусочекъ сафьяна; а въ старину стихи корана замѣнялись кусочкомъ дерева, въ которое ударила молнія.

У черкесъ есть еще предразсудокъ, что колокольчикъ спасаетъ отъ воровства. Оставляя въ полѣ, вдали отъ жилья и безъ присмотра, какой нибудь предметъ, они навѣшиваютъ къ нему колокольчикъ, и уже думаютъ, что никто его не похититъ. Надобно полагать, что, въ былое время, навѣшиваніемъ колокола ограждалось церковное имущество отъ посягательства на оное.